

тичной, но отнюдь не болѣе осмысленною, чѣмъ жизнь безнравственная...

Итакъ, если ужъ искать цѣль, осмысливающую жизнь, въ предѣлахъ земной жизни, то не иначе, какъ въ исполненіи цѣли, указываемой нравственнымъ закономъ; ибо только онъ одинъ имѣетъ абсолютную обязанность; и поэтому только одна лишь предписываемая имъ цѣль и можетъ сообщить смыслъ нашей жизни. Но что же оказывается? Сама-то обязательность нравственнаго долга обращается въ величайшую безсмыслицу, коль скоро нѣтъ безсмертія, ибо та цѣль, которая преслѣдуется нравственнымъ закономъ, оказывается вполнѣ неосуществимою въ предѣлахъ земной жизни. Такимъ образомъ, если я хочу вѣрить, что осуществленіе цѣли нравственнаго закона придаетъ смыслъ моей жизни, то я долженъ вѣрить и въ безсмертіе; если же я не могу и не хочу вѣрить въ безсмертіе, то я долженъ отказаться и отъ попытокъ найти смыслъ жизни въ осуществленіи цѣли, предписываемой нравственнымъ закономъ. А коль скоро я все-таки хочу найти смыслъ жизни, не выходя за предѣлы жизни, то остается попробовать искать его не въ осуществленіи цѣли нравственнаго закона, а въ чемъ нибудь другомъ, хотя уже заранѣе видно, что эти попытки окажутся безплодными; ибо, чтобы осмыслить жизнь, нужно, чтобы она была дѣйствительно пригодна для осуществленія абсолютно цѣнной цѣли; а такую цѣлью можетъ служить только та цѣль, которая совпадаетъ съ цѣлью нравственнаго закона.